

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

МАКС КЗ
ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЛЕТА

роман

Макс Кз

Последний день лета

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38303994

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-1631-3

Аннотация

Приключения юного «беспризорника» из СССР, участие в жизни секты, история взаимоотношений с миром. Стык эпох: советское время, девяностые, современность. Путешествие героя начинается в детстве, он проходит стандартные ступени (школа, институт, работа), ему предстоит научиться думать иначе. Читателя ждут авантюрные приключения в Тае, Париже, нестандартные ситуации на Шри-Ланке, яркие эмоции островов Куба, Бали, опасности Камбоджи. Герой должен найти любовь, но как это сделать, если в мире столько красивых женщин. Структура романа состоит из пяти частей – времен года, которые перекликаются с жизненными циклами. Содержит нецензурную брань.

Часть I: ВЕСНА

Глава: Теплотрасса им. Иеронима Босха

Я неожиданно ушел под лед. С головой в холодную воду. Одежда мгновенно намочка, сквозь пузырьки воздуха были видны руки в варежках и рукава куртки. Легкий шок. Мокрая одежда тянула на дно. Мозг со скоростью света подбирал версии происшедшего. Я задержал дыхание и постарался не паниковать.

Апрель. Оттепель. Вообще говоря, не было какой-либо веской причины, для того, чтобы прыгать на подтаявшие льдины, пытаться их укротить – заставлять плыть в нужном направлении. Жажда приключений. Я нашел длинный шест, которым удобно было цеплять импровизированный корабль, подтаскивать к бетонному берегу канала. Прыгал в самый центр, пытаясь удержать равновесие. Много парней с окрестных районов проводили свои выходные под мостом у канала. Солнце разогревало снег, и на поверхности тот становился рыхлый, внизу же оставался прочный лед. Всего интереснее было проплывать под мостом, по которому двигались автомобили, казалось, что ты находишься в какой-то огромной пещере, где приглушенный свет, эхо и наскальные надписи. «Наскальные» надписи были нанесены баллончиком или краской и чаще всего имели нецензурное содержание.

Под мостом была ровная песчаная отмель, на которой застревало много льдин. Всегда хотелось выбрать для себя самый лучший «корабль». Быстрее остальных скользили по воде треугольные льдины, чуть менее маневренные – квадратные, и совсем неуправляемыми были многоугольные, те крутились в разные стороны, бились о берега, плыли куда угодно, но только не вперед. Речушка, где проходила наша весенняя «регата» впадала в городской канал, который в свою очередь – в следующую, более крупную речку. И самым шиком было преодолеть это расстояние на одной льдине, уверенно отталкиваясь длинным шестом от дна. Иногда на пути образовывались заторы из мусора или мелких, не пригодных для путешествий кусков замерзшего снега. Мы ощущали себя мореплавателями, окрестные многоэтажки были для нас скалами, джунглями. Воскресным утром на улицах почти никого не было, тишину нарушал лай собак или крики мелких пацанов, которым пока было страшно прыгать по льдинам. Намокали сапоги, мерзли руки в варежках, сжимая деревянный шест, ветер дул в спину, брызги ложились на куртку – все по-настоящему.

Мы знали про коварство льдин, попадались такие, что с проталиной посередине, тонкий лед был припорошен снежной кашей. Они выглядели добротнo. Но если раскачать такой «корабль», пару раз столкнуться с бетонным берегом, то он мог расколоться на две половинки, каждая из которых уже не выдерживала вес ребенка и переворачивалась.

Катастрофа всегда неожиданна. Я задержал дыхание и постарался не паниковать. Холодная, почти ледяная вода проникла в теплое пространство под одеждой, залила сапоги, илистая взвесь забила глаза. Глубина в канале была небольшой, несколько метров, но дно кишело разнообразным мусором: ржавая арматура, покрышки от автомобилей, строительные отходы, старая обувь, остатки кабеля. Не хотелось ступать ногами в густой ил, увязать в покоящемся на дне хламе. Содержимое городского канала пугало не меньше холодной воды. Я всеми силами старался не коснуться дна, рефлекторно приняв правильное положение тела, взмахнул руками, чтобы перенаправить вектор своего движения не вниз, но в сторону. А после замедления уверенно выгреб руками вверх, вынырнув на поверхность. Занятия в бассейне Дома Офицеров ... Приключение было настоящим. Я в мокрой одежде плыл к берегу. На широкой квадратной льдине спешили друзья. Под тяжестью мокрой одежды вязкий ил у берега затягивал сапоги, тяжело было ступать, чтобы не упасть и в конец не испачкать одежду. Теперь уже холодный воздух доставлял неудобство, я думал, как бы добраться до дому, чтобы не простудиться. Пешком – около получаса, на автобус – не было денег, да и вряд ли пустил внутрь кондуктор. Оставалось лишь сушить под мостом одежду. С другой стороны домой идти не хотелось, родители устроили бы «разбор полетов», итогом которого было бы наказание в виде лишения «свободы». Не пускали бы гулять неделю, а может и две.

Подошли Санек и Димон, критически осмотрели, и заключили, что я теперь простыну, слягу с воспалением легких, пропущу школу на целый месяц, и друзья будут приходить ко мне играть в приставку. А мне надоело играть в «Денди», лучше кататься на льдинах. Выпросил у Сани широкий мохеровый шарф, доковылял походкой зомби до труб теплотрассы, разделся и разложил сушить одежду. От нее шел густой пар. Трубы были горячие, особенно те места, где оборвана алюминиевая теплоизоляция и стекловата. Прижав колени к груди, закутанный в мохеровый шарф, я был похож на персонажа одной из картин Иеронима Босха, человека, сидящего в расщелине дерева у берега речушки, с неисчерпаемой грустью в глазах, на заднем плане бушевал большой беспокойный мир со своими заботами, страстями. Неслись по мосту автомобили. Мы проходили по МХК в школе – «Искушение Святого Антония».

Библиотека. Воскресенье. Читальный зал. Журналы, книги по истории искусств. Мы писали рефераты и неизменно отвлекались на что-то другое, поглощали информацию книгами, стопками журналов, выискивая оттуда самое интересное. Обсуждали прочитанное, смеялись, иногда дурачились, рисуя на иллюстрациях смешное. Центральная библиотека была двухэтажная, что-то наподобие суперкомпьютера или «всемирной паутины», и мы не хотели покидать это место. Я много раз сетовал, что занятия в школе проходили по субботам, не мог никак понять, почему бы не распределить те

четыре урока на каждый из будних дней, осталось бы время и на библиотеку и на приключения.

Святой Антоний, но для меня просто Человек, потому как я не знал его личности, сидел у расщелины сухого дерева. Навес из камыша, и приделанный колокольчик с веревочкой, сообщали о том, что Он сидит давно, не первый день, и, наверно, видел смену времен года. За деревьями, на горизонте был город, тоже неподвижный, тоже наблюдатель. У правой ноги сидела свинья, обратив, как и хозяин, взор на воду, грустила. Но вокруг, повсюду, копошились какие-то ящерицы с человеческими лицами, рыба с когтями выныривала из воды, цапля с обезьяньими ногами пыталась замахнуться молотком, мелкие монстры у дерева выливали кувшин с водой, трава на переднем плане казалась живой, и уж точно умеющей слушать. Гротеск являл тщету жизни человека, но во взгляде Святого было спокойствие, он знал, что все эти inferнальные образы, гармонично вписываются в существующее бытие, что какая-то потусторонняя алхимия смешивает их и повседневность в целостную картину.

Точно так же, как кора дерева и навес из камыша закрывал Святого Антония, закрывал меня от холодного апрельского ветра мохеровый шарф друга. Вокруг бушевал все тот же наполненный заботами и страстями мир. Вместо ящериц с человеческими лицами шли люди, вместо монстров, льющих воду из кувшина, были автомобили, шинами разбрызгивая весеннюю грязь, вместо рыб с когтями плыли коряги

и ветки в грязной речушке, вместо цапель с обезьяними ногами бегали по берегу дети, вместо города на горизонте стояли многоэтажки, вместо слышащего леса был металлический забор и горячие трубы теплотрассы. С краю хаотично расположился гаражный массив с глинистой колеёй колес. Как и шестьсот лет назад тщета жизни проникала сквозь мохеровый шарф, в который я кутал то ноги, то голову, и взгляд мой, спокойный и грустный, точно такой же, как и у Святого Антония остановился на гармоничном единстве всех этих объектов бытия. Женщина, ехавшая куда-то на старом велосипеде, развернулась обратно.

С краю хаотично расположился гаражный массив. Колея колес глиняной дороги. Гаражи были выкрашены в коричневую или серую краску, которая и так заполнила все пространство. На горизонте – трубы огромной ТЭЦ, из которых шел серый дым, огромными волнами вплескиваясь в «океан» серого неба. От «океана» сквозило немислимым холодом, одиночеством, грустью, как будто нечего терять, да ничего и не найдешь. Около гаражей лежал грязный снег, от которого тоже веяло весенним холодом, и ко всей существующей грусти добавлялась еще капля. В окнах многоэтажек уже кое-где зажегся свет, намекая, что уже пора отправляться домой, поближе к уюту и горячей пище, собственному письменному столу и неприготовленным урокам.

Глава: Огни города

Мы стояли втроем и курили у входа в Центральный рынок. Лена хотела купить себе новую куртку. Юля, подруга, помогала с выбором. Март, яркое солнце, таял снег. Лена единственная из нас троих работала. Я учился, редко посещая скучные лекции. От сессии до сессии жил не то чтоб уж очень весело, нормально. Юля после школы никуда не устраивалась, не выходила замуж, сидела дома и смотрела телевизор. Они с Леной были лучшими подругами и соседками по подъезду. Проводить с ними время мне нравилось, обе симпатичные, с идеальными фигурами. Лена – блондинка, Юля – рыженькая. Черномазые продавцы на рынке с придыханием окидывали их взглядом, смотрели на ножки в колготках и завистливо спрашивали: «Эта тваи дэвушки?». «Мои», – отвечал я, и мы продолжали выбирать куртку. Лене более всего шла кожа, но так как на ее зарплату всем нам предстояло «жить» еще месяц, то задачей было найти вариант дешевле. Желательно сторговаться. Юля вызвалась помочь в этом вопросе, оставив номер телефона одному гостю с солнечного Кавказа. В итоге цена на хорошую кожаную куртку неплохо упала. Номер телефона, естественно, был не настоящий.

Мы втроем с Юлей просиживали вечера в темном подъезде, на последнем этаже, рядом с металлической лестницей

на крышу. Курили сигарету за сигаретой, пили спиртное и рассказывали друг другу смешные истории. Я – про факультет, общежитие, они – про микрорайон, школу. Но в тот вечер мы решили «обмыть» удачную покупку в центре города.

Студентам, безработным, маргиналам было по карману единственное заведение на пешеходной улице города – кафе «Колосок». Водка в розлив, пирожки, пельмени. Заказали по пятьдесят грамм водки и по бутылке крепкого пива. Прошло совсем немного времени, как за соседним столиком появились мои однокурсники, заглянули после лекций. Лёха, Ванесс и Санек. Они заказали на ужин пельмени и водку, поздоровавшись с нами.

Мобильных телефонов тогда еще не было, а туалеты в забегаловках запирались на всячий замок, ключ от которого находился у кассирши. Разовое посещение стоило денег. Подруги собирались «припудрить носики», я купил ключ. Позже, пополнив стакан очередной порцией пива, повернулся к товарищам, спросив о новостях на факультете. Но разговор продлился недолго, около двери туалета Лену пытался обнять какой-то жлоб.

– Чё за хуйня? – спросил у этого типа в дутой куртке.

– Это твоя телка?

– Да.

– Хочешь поговорить что ли?

– Пойдем, выйдем.

– Пойдем.

Мы спустились по лестнице на крыльцо. Оппонент был старше лет на пять-шесть, килограмм на десять-двенадцать крупнее, шире в плечах, но я не забыл прихватить пустую бутылку из-под пива. В противнике угадывались «быковатые» повадки. Падая вечерний снег, типок, быстро развернувшись, попытался заехать мне с размаха в челюсть. Но я увернулся. Удар не прошел. «Ответ» бутылкой в висок попал в самую точку. Оппонент, схватившись за голову, отскочил метра на три. «Сначала ударь, потом говори» – вспомнился один из законов джунглей...

– Ты, чё, охуел? – послышалось от него.

– Не приставай к моей девушке!

– На ней, что, написано?

– Написано.

По вечерней улице шли люди, но никто не обращал на потасовку внимания. Из кафе, почуяв неладное, вышли однокурсники. Ванесс, оценив обстановку, исчез в подворотне, через минуту вернувшись с металлической лопатой наперевес. Жлоб, рванул к будке телефона автомата, где попытался вырвать себе в помощь массивную трубку, не вышло, метнулся вниз по улице, к банкомату. «Хочешь, я тебе денег дам!» – размахивая пластиковой карточкой, кричал он. Мимо проходил патруль милиции. Санек зачем-то бросился бежать во дворы через арку, стражи порядка рефлексивно, как сторожевые собаки, погнались за ним. Рослый мент, недолго думая, выхватил резиновую дубинку, изловчившись, ударил

Санька под коленку, однокурсник повалился в снег, и все мы оказались в опорном пункте милиции.

Началась привычная неразбериха, жлоб обвинил меня в вымогательстве денег, грабеже и собирался писать заявление, подруги наоборот защищали, Санька «пробивали» по картотеке, Леха с Ванессом пытались рассказать правду. В итоге всех предупредили, что если шум не прекратится, то каждому наденут на голову противогаз и заставят приседать. Капитан собрал удостоверения личности. Ситуация стала проясняться, студенческие билеты госуниверситета сыграли роль. Заявление у жлоба не взяли, отпустив первым. На меня же решили составить протокол об административном правонарушении, но, видимо, так, для отвода глаз. Через пару минут сержант позвал к двери: «Этот урод в ту сторону пошел, хочешь, догони, мешать не будем!»

Мы настигли «виновника торжества» на стоянке такси около Макдоналдса, мой удар ботинком с разбегу лег на спину врага. Но тот устоял, прижавшись через пару секунд к дорогой иномарке: «Чё, машину испортить хотите? Не расплатитесь!» Налетел Ванесс, схватил жлоба за шиворот, и они вместе повалились в грязный снег. Подбежал Санек и ударил «быка» ботинком в голову, Леха целил каблуком в зубы, я – с размаху в живот. Час-пик буднего дня, центр города, люди спешили после работы домой, но никому не было дела до чужих «разборок». Несколько минут, и мы, как по команде, пошли в направлении автобусной остановки. «Бык» остался

лежать без сознания в грязном снегу.

Я опять остался в гостях у Лены. Юля сидела на металлической лестнице и курила, иронизируя по поводу проведенного дня. Окна в квартирах панельных домов. С пятнадцатого этажа, сквозь грязное стекло, был виден микрорайон. Везде, где мог гореть свет, он горел. Шторы разного цвета, люстры, лампы, ковры на стенах, силуэты. Зажигались и гасли чужие жизни. Я искал в них свою. Пытаясь увидеть, подглядеть. Хотел быть готовым, заранее знать, что делать. Кто-то только что пришел с работы, кто-то ел и смотрел телевизор, кто-то сидел у монитора компьютера, кто-то играл с маленьким ребенком. В каменных джунглях у каждого своя «пещера», место, где можно спрятаться, будь ты «хищником» или «травоядным». Я всматривался в узоры обоев, занавески, предметы мебели и быта еще пристальнее – достаток, степень счастья... Подолгу наблюдал за людьми, за несколькими окнами на разных этажах, сравнивая красоту женщин и дела мужчин. У кого-то свет горел ярко, как бы давая знак, что ярко горит «домашний очаг», у кого-то – тускло, обозначая усталость, у кого-то – приглушенно, не забывая о тайне, где-то сушилось на балконе белье, сообщая о возрасте «детенышей». Микрорайон дышал жизнью своих многочисленных «пещер», но я так и не мог выбрать себе подходящую.

Глава: Мастер

Когда-то в детстве у меня было две подруги – Рината и Яна. Первый год перед школой. Рината – черненькая, Яна – блондинка. Мы часто играли втроем, но, когда я оставался с одной из них наедине, та подговаривала дружить только с ней. Я всегда соглашался, и называл Ринату, если был с Яной, «вообще дурой», некрасивой, то же самое говорил и про Яну, если оставался с Ринатой. Девчонки «ревновали», и каждая верила, что она лучшая. Спустя время история повторилась.

И вот у меня уже год каждый вечер – романтический вечер. Кассирши и охранники в близлежащем супермаркете косо смотрят – чередую своих спутниц, вместе с которыми не прохожу мимо отдела со спиртными напитками, в корзине неизменная бутылка красного вина. Так совпало, что Вика и Анфиса работали по сменам, одна уходит на сутки, вторая – возвращается. Что такое жить с двумя девушками? Ты в раю и в аду одновременно! Два комплекта подарков на праздники, в два раза больше приходится пить вина, в два раза больше тратиться на развлечения, и думать надо тоже в два раза больше... Африканские косички Вики, новое нижнее белье Анфисы. Их соперничество, в котором всегда приходится занимать нейтральную сторону. Смесь любви и

ненависти ровно в такой пропорции, что не дает вспыхнуть, но постоянно «жжет» изнутри. Одна – блондинка, другая – брюнетка. Первая – в фитнес клуб, вторая – в солярий. В одно и то же время сопли, одинаково сильно болит горло при простуде, в одно и то же время «критические» дни. Если позвонила на мобильный телефон одна, то через несколько минут позвонит и другая... Я, например, не знал, как праздновать Новый год. Каждая спрашивала: «Как мы проведем Новый год?» Конечно же, предполагая, что я буду именно с ней. И что говорить? С одной по старому стилю, с другой – по новому?!

Наши отношения длились больше года. Финалом была блестяще сыгранная ночь, в которой я все-таки совместил несовместимое. Вечер начинался банально. Позвонила Вика, попросила, чтобы встретил на остановке. Анфисы дома не было, ушла на сутки. Через некоторое время мы с Викой уже сидели на кухне и по привычке пили чай, после непродолжительной беседы, переместились на кровать, забравшись под одеяло. Снег падал в окно, диски крутились в музыкальном центре, я уже почти достиг пика наслаждения, как услышал, что ключ повернулся в дверном замке. На пороге появилась Анфиса. Еле успел надеть спортивные брюки, повторяя про себя: «Fuck, fuck, fuck!». Анфиса прошла в комнату и увидела полуголую соперницу, в глазах вспыхнул пожар, подведенные черной тушью они метали молнии.

– Это не то что ты думаешь! – почему-то, смеясь, вымол-

вил я, вспомнив фразу из «мыльных опер».

– А я ничего и не думаю! Ты чего здесь делаешь? – обратилась она к Вике, – сейчас выброшу твои вещи за дверь!

– Анфиса, ты же на сутки ушла? – поинтересовался я.

– Нет, не на сутки, а на день, я тебе говорила.

– Не говорила.

– Говорила.

– Не говорила, я бы запомнил.

– Говорила.

Вика выбрала момент и проскочила в ванну, заперлась и включила воду. «Всё, иду в магазин за вином!» – сказал я, как можно громче, чтобы всем было слышно, – «Без меня не деритесь!» Накинул куртку, вышел в подъезд, нажал кнопку лифта, достал сигарету, добыл огонь. И на этот раз в супермаркете был без спутниц, в спортивных брюках. Кассирши и охранники подумали, что пассии наконец-то бросили меня или, хуже того, предали, и не будет больше мне счастья на этой грешной земле, а будет, как им (кассиршам и охранникам) грустно в столь поздний час, и что покупать я буду на этот раз не вино, а водку. Нет-нет! Подруги ждали дома. Ситуация была, конечно, на грани пошлости, но сохранились силы повернуть ее в совершенно другое русло.

Пешая прогулка успокоила нервы. Интересно было жить около исторического центра города: никаких автомобильных пробок, суеты часа-пик, ожидания общественного транспорта. До работы – пять минут, до университета – пара остано-

вок на трамвае. В связи с этим появлялось немного «лишнего» времени. Оказалось все просто – уехать из общежития, сменить район проживания, забыть привычные маршруты. И как будто попал в другой город или сменил имя – жизнь легко наполнялась новым, являя больше «степеней свободы». Гуляя по улице, вспомнил, как познакомился со своими пассиями. Анфиса пригласила на восьмое марта к коллегам по работе:

– Оленина убили... Это Оленина убили, – говорила одна.

– Нет, Оленского. Или Ленского? – задавала вопрос другая.

– Онегина! – вспомнила третья.

– Да, Онегина! – подхватила четвёртая.

– Я тоже читала Пушкина! – вставила пятая.

– Олейнина? – спрашивала у себя шестая.

– Нет, не Онегина, Ленского. Я ходила на оперу! – закончила эту тему седьмая.

Праздник набирал обороты. Комната общежития в цоколе пятиэтажного кирпичного дома. Я сидел на чьей-то не заправленной кровати. Передо мной был стол, заставленный пластиковыми полторашками пива, водкой, очень нехитрой закуской.

– А я в последнее время «Мастера и Мазгариту» перечитывала! – продолжала седьмая.

Речь неожиданно и совершенно беспричинно зашла о книгах, почему-то все стали вспоминать яркие события, свя-

занные с этим. Я разлил девушкам коньяку, который принёс с собой, и продолжил слушать.

– Я «Войну и мир» с удовольствием перелистывала, – поддержала беседу третья.

– А я ещё в школе открыла эту книгу, прочитала эпиграф на французском, ничего не поняла, закрыла и в руки больше не брала! – раскрасневшись от выпитого говорила вторая.

– Ты студент какого фака? – спрашивала меня четвёртая.

Отвечать смысла не имело. Через несколько минут мои собеседницы узнали, что я в данный момент занимаюсь ремонтом мобильных телефонов, каждая из семи, как по команде, достала свой сотовый и стала тыкать им в меня:

– Что-то глючит! – говорила первая.

– А у меня корпус треснул! – продолжала вторая.

– Джойстик не работает вниз и вправо! – не унималась третья.

– А как настроить Интернет? – спрашивала четвёртая.

– А это хороший телефон? – заглядывала в глаза пятая.

– А сколько будет стоить заменить динамик? – шестая и седьмая были заодно.

– Заходите ко мне на истфак, для вас всё бесплатно!

Общество семи симпатичных медсестер... Я схватил одну из них, ту, что пригласила, и потащил «курить» в ванну.

С Викой мы познакомились несколько раньше. Я сидел на бетонном бордюре, перебирая в кармане сто восемь косточек четок, думал о том, где бы раздобыть денег. Черный

макинтош, синие джинсы и «мэддоги» на ногах. Выглядел антипозитивно и совсем не по-весеннему. Бритоголовый парень с отсутствующим взглядом, вряд ли кто-либо захотел бы познакомиться. Но во всем коричневом, словно со строк одного из моих стихотворений, стройная, высокая, подошла девушка:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте, – робко ответил я.

– Не пугайтесь! – с улыбкой продолжала она, – Давайте мы с вами сейчас обменяемся какими-нибудь вещами. Вы отдадите свое что-нибудь ценное, я вам – свое.

Солнце кидало лучи на сырой асфальт, грело черный макинтош. Я поднял голову рассмотреть собеседницу, растерялся от столь нестандартного предложения, вспомнив, что нет у меня ничего ценного. Наблюдая мое замешательство, девушка достала из сумочки яблоко. Ничего не оставалось, как полезть рукой в карман и нащупать там лишь четки. Отдал их в обмен на яблоко. Она ничего более не сказала, развернулась и пошла прочь, быстро удалялась в направлении автобусной остановки. Средней длины коричневые волосы, карие глаза, бледно-розовая помада губ, коричневый плащ, телесного цвета чулки, высокие коричневые сапоги на каблучках. Возможно, следовало бы ее окликнуть: «Девушка! Пойдите! Я как раз собирался пообедать, не составите компанию?» Но я не сделал этого, посмотрел на яблоко и подумал: «А может быть, оно отравленное?» Конечно, отравленное,

библейский сюжет – она отдает ему плод с дерева познания, потом их вместе изгоняют из рая! И откусил. Позже мы с Викой узнали друг друга на истфаке. Этот факультет привлекал меня возможностью путешествий, еще у приемной комиссии я спросил про раскопки. Они ответили, что каждое лето набираются группы из студентов разных возрастов. Я представлял юг, берег моря, как мы днем снимаем культурный слой, а вечером, у костра, травим байки о женщинах, деньгах и планах на будущую безмерно счастливую жизнь.

Вернулся. Квартира встретила меня дымом сигарет, подруги выкурили не по одной. Девушки сидели по разным комнатам, не разговаривали друг с другом, не ругались и не выясняли отношений. Это меня обнадежило, собрал их на кухне, достал бокалы, откупорил бутылку, предложил выпить. После стресса всем нам троим было не устоять перед алкоголем. Анфиса так и не переделась с работы, была в черных джинсах и голубой кофте, Вика надела длинную юбку и темную водолазку. Я же так и остался в спортивных брюках. Напряжение не улетучилось, пришлось рассказывать смешные истории о клиентах с работы. Первая бутылка «ушла» за пару минут, откупорил вторую. Анфиса достала из холодильника мясо, разогрела ужин. В музыкальном центре играл диск с расслабляющими мотивами, что привез когда-то с моря. Быстро закончили вторую, достали медицинский спирт. Девушки все-таки разговорились. Я сидел на широком подоконнике и курил, разбавляя для них спирт

апельсиновым соком. Разливал по стаканам и рассказывал какую-то ерунду, лишь бы «забить» мозг, отвлечь, ну и, конечно, настроить спутниц на определенную волну. Хитрый план созрел в голове. Я подозревал, что тот коктейль чувств, любви и ненависти, который каждая испытывала, можно варьировать, чуть-чуть меняя ингредиенты. Как будто бы подмешивал в спирт с апельсиновым соком какое-то колдовство. Некий секретный компонент своего эго. И если прошлый час был часом ненависти, то следующий час должен был стать часом любви, самое главное сломить последнюю оборону – снять со всех одежду.

И мы оказались втроем под одним одеялом. Ночь закрутилась в бешеном ритме. Ложишься на одну, одновременно целуешь другую, потом меняешь их местами. Девушки вместе покрывают тебя поцелуями, горячие губы скользят по лицу, телу. В общем, все как в нормальном немецком порно... Первой не выдержала Вика, второй «кончила» Анфиса, и уж потом, как у настоящего жеребца...

Девушки спали. В окно врывалось молочное небо ночи. Я повернул руку, посмотрев на люминесцентные стрелки часов, двенадцать, понял, что теперь все будет по-моему, весь мир будет по-моему...

Глава: Карлов мост

Я прикоснулся ладонью к медной плите. Пока думал, какое бы желание загадать, рассмотрел рельеф, сценка из средневековой жизни: в центре – Карлов мост, стражники с копьями перекидывают в реку через бордюр чье-то тело (это Ян Непомуцкий), на заднем плане Прага, Вышеград, в левом верхнем углу грозные облака, в которых можно угадать что-то живое, взгляд с небес. Внизу – река Влтава, женщина, сидящая на деревянном ящике, ребёнок и рыцарь. Мученик изображен в перспективе, маленьким, поэтому туристы трут ладонями женщину, затем вспоминают, что прикосаться нужно к Яну, трут его и загадывают желание. Я приложил ладонь к медной плите и на мгновение закрыл глаза.

Средневековье – тёмное время. Ведьмы, разорившиеся рыцари, эпидемии, договор человека и дьявола, инквизиция. Что-то покрытое тайной, мраком, канувшее в лету, не подлежащее подробному логическому анализу. Но это время явило многих святых. «Святых? – скажите вы, – но они же католики!» Как выяснилось, небеса, в отличие от людей, не делят нас на католиков и православных.

Пражская весна, март 1393 года, ночь, группа людей, среди которых можно было угадать стражников, чиновников, достали из мешка человеческое тело и бросили его с моста

во Влтаву. Горожане спали, ночь прятала в облаках обрывки луны, человек исчез в полной воде, преступники ушли в сторону Староместской площади.

Тот, кого выбросили в реку, не сопротивлялся, был без сознания, несколькими часами ранее его пытали. За что могли пытать в Средневековье? Предательство? Золото? Связь с нечистой силой? Выброшенный – викарий Пражского архиепископства, бакалавр права, публичный нотариус, духовник второй жены короля Софии Баварской – Ян Непомуцкий.

Назревал конфликт духовной и светской власти. Но в застенках дома бургомистра король Вацлав IV собственноручно жёг факелом Яна Непомуцкого не только по этому. Главный викарий пострадал за веру и любовь. Он не выдал тайну исповеди Софии, возможно, тем самым, сохранив ей жизнь. Первую жену короля, Иоанну Баварскую, при неясных обстоятельствах растерзала собака. Ярость Вацлава не знала границ, он не имел над викарием власти и поэтому не мог оставить ходить по земле.

После того, как тело Яна Непомуцкого скрылось в холодной воде, над тем самым местом взошли пять звёзд, напоминающие нимб святого. Нищие ли, ремесленники – кто-нибудь да видел. Через месяц монахи выловили утопшего из реки, позже его похоронят в соборе Св. Вита.

Мост – сакральное место, именно то, где сходятся в вечной схватке добро со злом, где они, приняв реальные очертания, встречаются друг с другом. Явное и скрытое обрета-

ют формы.

Европейский эпос. Где можно было встретить нечистую силу? На перекрёстках дорог, на опушке леса, на мосту. Добро и зло всегда идут рука об руку – средневековые впитало эту тему и воплотило в архитектуре, живописи, быте. Интуиция подсказывает, что симбиоз добра и зла является неким «вечным двигателем» нашей цивилизации – рождает волю, действие.

Карлов мост, архитектор Петер Парлерн. Прибыл из немецкого города Гмюнда, герцогство Швабия. В 1353г. Карл IV позвал к себе в Прагу – действующую столицу Священной Римской Империи, молодого талантливого архитектора. Тот приехал с женой и неким запасом знаний. Петер был потомственным архитектором, его отец Генрих I Парлерн работал артельным старостой в Кёльне, затем строительным магистром в Гмюнде, построил в 1351г. там же Церковь Святого Креста, которая стала прототипом южно-немецких зальных церквей четырнадцатого-пятнадцатого веков.

Главным делом, из-за которого Карл IV нанял Петра Парлержа (вариант написания по-чешски) на работу был начатый, но недостроенный Собор Св. Вита. Предыдущий архитектор Матьё д'Аррас скончался. То ли старость, то ли что-то ещё. Возможно, император сомневался в способностях француза завершить начатое. Так или иначе, в 1356г. Пётр Парлерж возглавил строительство, более того, усовер-

шенствовал проект, добавив в него сетчатый свод, конструкцию «подвесной замок». Параллельно он начал работу над Пражским мостом, в закладке первого камня принимал участие сам король Священной Римской Империи Карл IV. Выбран был день, время: девятое июля тысяча триста пятьдесят седьмого года в пять часов, тридцать одну минуту. Получается, что момент основания моста представляет собой палиндром 1-3-5-7-9-7-5-3-1. Придворные астрологи объясняли, что данное число будет счастливым. Палиндром – это набор символов, читающихся в одинаковом порядке как с лева на право, так и справа налево. Палиндром указывает собой на вечность. Карлову мосту более шестисот лет. Сила символов оправдывает надежды.

Пётр Парлерж начал работу. Обратим внимание, что молодой мастер был приглашён в Прагу в возрасте двадцати лет, а работу над Карловым мостом по своему собственному проекту начал в двадцать четыре года. Прежде он никогда не занимался строительством мостов. Двадцать четыре года – довольно незначительный возраст для столь грандиозных архитектурных проектов!

Молодой талантливый мастер погрузился в работу, но первый блин вышел комом. Во время половодья Влтава смыла каменную конструкцию.

Появилась легенда: люди шептали, что архитектор заключил сделку с дьяволом. Посланник ада передал мастеру чертежи, план работ в обмен на душу первого прошедшего

по мосту. Слухи являлись небезосновательными, архитектор был слишком молод, амбициозен, прямолинеен. Талант в двадцать четыре года – это талант от чего-либо, но, скорее, не от опыта.

Нечистая сила всегда появляется, когда дело безвыходное. Дьявол понимает – именно в этот момент проще всего заполучить чью-либо душу в вечное рабство. С большой долей вероятности можно предположить, что сделал бы Карл IV с архитектором, астрологами, если бы ничто из задуманного не воплотилось в жизнь.

В Средневековье блуждала мысль, что готика, готическая архитектура – суть плод работы дьявола, что нечистая сила с помощью человеческих рук возводила себе эти величественные, но мрачноватые храмы. Обратимся к истории: Кёльнский собор, Ахенский собор, Аббатство Сен-Мишель на северо-западном побережье Франции, где по легенде в архитектурном мастерстве соревновались сам Архангел Михаил и Дьявол, Собор Богоматери в Мюнхене, что хранит отпечаток ступни черта. Готические храмы пришли на смену романским. Основательные небесно-белого цвета сменились мрачными, иррациональными, но в то же время устремлёнными ввысь, как будто бы искушая. Вслед за Богом храмы на земле решил возвести и Дьявол. Стоит также отметить одну общую особенность готических соборов – они не увенчаны крестом, главным атрибутом христианства. Странно?

Итак, договор заключен. Строительство моста, объединя-

ющего два важных района города Малая Страна и Старое место, началось с удвоенной силой. План работ включал в себя хитрость, ингредиентом в раствор, связующий камни, входил яичный белок. Следующая легенда повествует нам о том, что свежие яйца кур собирали по всей Богемии.

По проекту мост должен был держаться на шестнадцати пилонах. Длина – пятьсот двадцать метров, ширина – девять с половиной. Строители возводили шестнадцать мощных арок, облицованных плитами песчаника. Огромные сваи из дуба, вбитые в них мельничные жернова, соединённые скобами, залитые оловом – всё это должно было удержать конструкцию в воде. Мост проектировался таким образом, что его средняя часть немного выгнута против течения реки, именно там, где русло самое глубокое и масса воды представляет наибольшую опасность. Также в целях безопасности была возведена дамба, чтобы каменные арки находились в почти стоячей воде.

По настоянию императора Карла IV, вход в Старое место должна была охранять сторожевая башня. Зачем? Мост – ключевое место. Пётр Парлерж проектирует и руководит строительством Староместской (восточной) мостовой башни. И снова готика, тонкие шпили, сетчатые своды.

Сквозь яркий дневной свет гиды упомянут о том, что на втором этаже находятся скульптуры, изображающие св. Вита, Карла IV, Вацлава IV, а на самом верху фигуры покровителей чешской земли – св. Войтеха, св. Сигизмунда, рас-

скажут что-то о зимородках, вскользь упомянут о духах казнённых горожан, живущих на вершине этой готической конструкции. Расскажут и пойдут дальше по площади, туда, где рождественский рынок и пивные ресторанчики.

Но мы не любим ходить привычными маршрутами, преодолев ступени, окажемся на площадке этой башни. Мы будем прикасаться руками, будем всматриваться в камни, трудно не заметить надпись на латинском: SIGNA TE SIGNA TEMERE ME TANGIS ET ANGIS. ROMA TIBI SUBITO MOBITUS IBIT AMOR.

Появляется третья легенда, согласно которой, данный палиндром изрёк сам дьявол. Есть множество переводов данной фразы, и все они отличаются друг от друга, заметно искажая смысл, путая, меняя на противоположный. Как и должно быть – тонка грань понимания. Во многих аспектах повседневной жизни, чтобы по-настоящему разобраться в чём-либо, необходимо изучить предмет.

Я занялся латинским языком. Этот мёртвый, но в то же время вечный язык, который до сих пор используется в медицине, служил универсальным средством коммуникации многие времена. Подобие современного информационного поля – Интернета.

Те, кто упражнялся в произношении, отмечали, что изречения на латинском звучат глобально, безапелляционно. Они похожи на заклинания. «Крести себя крести, бойся касаться меня и тревожить, Рим немедленно предстанет пред

тобой устремлением любви», – в сердцах произнёс дьявол, когда св. Мартин встретил его на дороге по пути в Рим. Обратив крестным знаменем черта в осла, святой взобрался на него и верхом продолжил путь. К слову сказать, св. Мартин был опытным экзорцистом.

Перевод палиндрома неотрывно связан с данным происшествием. Рим=мир. Рим, вечный город, всегда отождествлялся с миром. «...предстанет пред тобой мир...» Устремлением любви, то есть с помощью любви. Даже дьявол с помощью любви на своей спине вынесет тебя к миру. Вообще говоря, самая короткая дорога к покорению мира – на спине дьявола. Симбиоз любви и дьявольской сущности может дать все, что пожелаешь. И действительно св. Мартин доехал на спине дьявола до Рима. Не удивительно, что данное изречение есть на Староместской башне Петра Парлержа...

Если ты ни святой, ни экзорцист, то при заключении договора с дьяволом, приходится смотреть «в оба глаза». Обговаривать условия настолько внимательно, чтобы возможная двусмысленность не сыграла злую шутку. Кто же первый прошёл по построенному Пражскому мосту?

Последний камень брусчатки лёг на мостовую. Среди собравшихся в пасмурный день горожан в серых одеждах, сливающихся со мглой и туманом, покрывшим Влтаву, был и пришедший за чьей-нибудь душой. Пётр Парлерж, его жена, ремесленники, торговцы, зажиточные горожане, бургомистр, представители духовенства, рабочие, стражники, де-

ти – все были в тот день на торжественном открытии. Никто и не заметил, как сын архитектора с озорством побежал от матери в направлении моста. Пётр помнил условия договора, но молодому, талантливому мастеру не составило труда подготовиться – он успел кинуть вперёд чёрного петуха.... Силуэт в серых одеждах растворился в тумане. Пасмурная погода не омрачила праздника горожанам.

Так или иначе, Пётр Парлерж «заехал на спине дьявола в Рим», но сделки с нечистой силой никогда не проходят бесследно («Крести себя, крести, бойся касаться меня и тревожить...») Архитектор умер 13 июля 1399 года в возрасте 66 лет. Трудно не заметить магию чисел: 66/13 – 13/99. Это по-прежнему напоминает нам палиндром. Не удивительно, что Карлову мосту шестьсот лет, а готика Праги – это готика Петра Парлержа.

Я прикоснулся к блестящему медному рельефу фигурки Яна Непомуцкого, закрыл на мгновение глаза и загадал желание, такое, из несбыточных. Конечно же, про любовь, конечно же, к противоположному полу. Прошло совсем немного времени, я вернулся в свою северную родину, и та, что была предметом желаний, стала моей, но это не принесло нам счастья.

Крести себя крести, бойся касаться меня и тревожить, Рим немедленно предстанет пред тобой устремлением любви.

Глава: Аравийская пустыня

В шестом классе, на уроке литературы, нам задали изобразить сценки из Библии (Ветхий Завет). Мне достался эпизод о том, как Моисей выводит иудеев из Египта. Рисунок необходимо было дополнить у доски небольшим рассказом.

Подошла моя очередь. Я вышел, встал рядом со столом учительницы и поднял альбомный лист, попутно набрав в легкие воздух. Класс хихикнул. Учительница немного подавалась вперед и прищурилась, чтобы разглядеть рисунок.

Домашних заданий и так задавали слишком много: пересказы по английскому языку, уравнения по алгебре, теоремы по геометрии, задачи по физике, русский язык, а тут еще и иллюстрация к Ветхому Завету. В общем, пока я делал все остальные задания, настал глубокий вечер, на «закуску» осталось самое непонятное.

Я сидел за письменным столом с чистым листом бумаги. Моисей ведет иудеев по пустыне. Я зевал, пора было ложиться спать. Моисей ведет иудеев по пустыне. Пустыня? Желтый песок. Необходим был креатив, как говорят сейчас, чтобы разделаться с этим заданием. Я взял акварельные краски и выкрасил желтым цветом весь альбомный лист – пустыня готова. Теперь нужен Моисей и иудеи. Я понятия не имел, как выглядит Моисей и как рисовать иудеев. Всех с бородой

что ли? Цветастые одежды как у цыган? Шагают как на демонстрации? Взял простой карандаш, поставил посередине листа жирную точку, за ней – бесформенный контур, который заштриховал – это толпа иудеев. Дёшево и сердито. Положил рисунок в портфель и лег спать.

Ничего не оставалось, как начинать рассказ. Класс хихикнул. Учительница немного подалась вперед и прищурилась, чтобы разглядеть картинку. Я – на неё, она недовольно поморщилась, но ничего не сказала. Было понятно, что меня спасет красочное, полное впечатлений и неожиданных подробностей повествование.

Мы были где-то на краю Аравийской пустыни. Нас ждали песчаные миражи и нехватка воды. Солнце палило, пятьдесят восемь градусов выше нуля по Цельсию. Мой квадроцикл уверенно гнал по крупным и мелким волнам песка, жаркий бриз пустыни поднимал пыль, от которой спасала «арафатка» и солнцезащитные очки. Я жал на гашетку, автоматически переключались передачи. Колонны из песка, шары из камня, причудливые пейзажи пространства. Как будто попал на другую планету, например, Марс. На горизонте скалы разной тональности: те, что ближе – светло-серые, те, что дальше – черные. Красные скалы – рядом. Не заметил, как колесо «железного коня» попало на булыжник, чуть не перевернулись, подруга еще крепче обхватила руками мою талию. Повезло. Наступала ночь, одна из тех крошечных ночей, что наступают в пустыне. Темнота мгновенно окута-

ла землю. Я включил дальний свет, но фонари освещали не слишком много. Вспомнилась глава «Исход» Ветхого Завета: «... Моисей простер руку свою к небу, и была густая тьма по всей земле Египетской три дня; не видели друг друга, и никто не вставал с места своего три дня...». Глафира еще сильнее обхватила мою талию руками, молчала, видимо, потеряв от страха дар речи. Вот она, возможность испытать на себе одну из Казней Египетских. Ночь в пустыне – это не та ночь, к которой привыкли мы, жители северных европейских стран. Земля и небо другого континента, ночь идеально черного цвета.

Несколькими часами ранее мы мирно курили кальян в лагере у бедуинов. Сидели в шалаше, покрытом тканью из козьей шерсти, пили кофе с кардамоном, ели «фалашиа», то есть местный хлеб. Удобные деревянные скамейки располагали к отдыху, тень – не так-то много надо для счастья.

Почти вся экскурсионная группа ушла кататься на верблюдах, мы же двинулись вглубь селения и наткнулись на детей. Девочки – ничего так, черненькие, улыбались, смешные, просили потрогать меня руками. Те, кто постарше, носили хиджабы и длинные одежды. Как здесь выбирают невест, если открыты только глаза? Я поинтересовался: по щиколотке. Худая щиколотка – плохо кормили родители и калым за такую невесту лишь какой-нибудь плохонький верблюд. Толстая щиколотка – тоже не очень. Должна быть средняя.

Тяга к настоящим, а не поддельным приключениям по-

двигла нас с Глафирой отколоться от группы. Все экскурсии, на которых людей водят по «аттракционам» ущербны. Мы бродили по селению, вдалеке, под навесом молился Аллаху бедуин: бил поклоны, стоя на коленях. Лицом к Мекке. Мы заметили припаркованные квадроциклы около плетеного забора. Я предложил Глафире незаметно свалить в пустыню. Она согласилась.

Пустыня? Бедуины живут в пустыне не менее четырех тысяч лет. Сначала они были язычниками, потом христианами, и только уже позднее приняли ислам. Живут кланами, во главе с местным шейхом, который царь и бог. До сих пор «в ходу» традиция кровной мести. Чем занимаются? Оружие, наркотики, «живой товар», тайные тропы в Землю Обетованную. Переправляют страждущих через египетско-израильскую границу, такса – тысяча долларов. Пустыня воспринимается разными народами по-разному. Кому-то мать родная, кому-то мачеха.

Когда-то одним из важнейших праздников иудеев был «День Очищения». Каждый исповедовался священнику, священники пересказывали грехи первосвященнику, к которому подводились два жертвенных козла. Первый закалывался и сжигался на костре. Второму, названному «козлом отпущения», по-еврейски это звучит – Азazel, первосвященник на ухо шептал все грехи, услышанные в этот день. После козла выгонялся далеко в пустыню, где его съедали дикие звери.

А Египтяне? Бог Сет у древних строителей пирамид ассоциировался с хаосом, яростью, пустыней, в общем, со всем враждебным плодородной долине Нила. Пыльные бури – его рук дело, некий противовес упорядоченной силе мироздания. Нередко этого бога считали ответственным за мужскую сексуальную энергию. Я давно стал предполагать, что мир, мироздание, бытие – мужское изобретение, созданное посредством хаоса, мужской энергии. А женская энергия – чтобы этот мир удержать в равновесии, чтобы не превратился он в новый хаос.

Мы нашли на стоянке свой квадроцикл, сели, осторожно завели двигатель, поехали. Солнце шло за горизонт, песок рисовал причудливые пейзажи. Не было той жары, что днем. Пустыня на закате ни с чем несравнимое произведение искусства. Марсианская поверхность. Цифровой спидометр показывал шестьдесят четыре километра в час, последняя передача. Скорость. Мы проносились сквозь волны теплого воздуха мимо скал, остатков огромных валунов. Ехали в город, думая, что местные, конечно, поругаются на нас, за этот безумный поступок, но когда увидят свой квадроцикл в целостности и сохранности, получат некую сумму американских денег, то успокоятся и будут, как обычно, улыбаться.

Остывающий воздух рисовал на горизонте египетские храмы, дворцы. Ночь. Созвездие «Орион». Теплый ветер. Ни дальний свет фар, ни луна не освещали ничего в этом ландшафте, не за что было уцепиться кроме неба, Млечного Пу-

ти. Не сбавляя скорости, мы гнали на своем квадроцикле в бесконечном звездном пространстве, плыли вместе с богом Ра в «Ладье Миллионов Лет»

Глава: Красное море

Портье нашёл меня у кромки моря. Мы съезжали, отпуск заканчивался, необходимо было оплатить мини-бар. «My Friend, my friend!» – кричал служащий.

Местное пиво в Египте – редкое говно. Когда его разливают на пляже из холодной бутылки – еще ничего, если немного постоит и нагреется – хуже нижегородского. Вечером в ресторане наливают почему-то теплое. А в номере, в мини-баре стоят баночки именно немецкого, именно холодные.

Многие, наверное, сталкивались с арабской наглостью: от-сутствие мелких купюр в кальянных и барах, оплачиваешь в долларах – сдача в фунтах, навязчивый сервис на пляже, на улице, в местах проведения экскурсий. «Наибалово» начинается еще в аэропорту: вместо десяти долларов за визу – пят-надцать и никаких возражений, заполнение листка прибытия – два доллара. Ушлые работники таможни быстро «окучива-ют» уставших после перелета пассажиров. Когда им надо – не понимают, а так, все на русском разговаривают.

Акт арабской наглости произошел и на ресепшене. Мене-джер уверял, что я должен оплатить пять банок выпитого пи-ва и пакетик соленого арахиса. Арахиса я не ел. Цена вопро-са – пять фунтов. Если перевести на американские деньги – один доллар. Менеджер рисовал в блокноте к оплате одну

сумму, я улыбался и рисовал ему другую. Через несколько минут таких манипуляций он подозвал портье и велел найти человека, ответственного за мини-бары.

Жизнь в этой стране протекает в другом, не понятном для нас, европейцев, ритме: днем движение замирает – слишком жарко, местные прячутся в кондиционированных помещениях. Пятьдесят – пятьдесят пять градусов выше ноля по Цельсию. «Движняк» начинается вечером, после захода солнца.

Селятся арабы плотно друг к другу, семьдесят пять миллионов жителей на небольшую территорию, что отвоевали у пустыни. Справочные данные: девяносто пять процентов территории песок, пять процентов остальное. Кажется, что у них человек не бывает в одиночестве, не успевает грустить. Высокая конкуренция за «добычу» и жизненное пространство налагает отпечаток и на манеру общения: здесь тебя называют другом, улыбаются, кричат: «My friend! My friend! Where are you from?! How are you?!» Но это всего лишь способ заработать. Забавно наблюдать, как эти ушлые «повелители песков» заманивают наших соотечественников в кальянные или сувенирные магазинчики, (good price, half price) и не выпускают без покупки. Один показывает какие-нибудь поддельные эфирные масла или папирус из банановой бумаги, а другой загораживает вход.

Через некоторое время администратор пожаловал на ресепшн. Этот араб на чистом русском заверил, что решит все

вопросы, мне же для этого нужно просто посидеть на диване. Так и вышло, через пять минут инцидент был исчерпан, виновные были наказаны (менеджера заменил другой), пакетик арахиса остался неоплаченным. Но дело, конечно, не в баночке кока-колы или пакетике с орешками, дело в том, что даже египтяне привыкли к тому, что в России нет справедливости. Из-за обмельчавшего чувства нашего национального достоинства арабы дали себе моральное право быть наглыми.

Русские ищут приключений, «купить» нашу соотечественницу нередко можно лишь за фразу про любовь, красивые глаза. Встреча на одну ночь – экзотика, но зачем они выходят замуж за официантов, лодочников? Я разговаривал с русскоязычными гидами о проституции. Они признавались мне, что в Каире полно проституток, в том числе египтянок, но приезжих гораздо больше. Проституция в Египте на особом контроле, моральные нормы ислама не позволяют... Разреши египтянке торговать своим телом, она будет торговать телом. Приедут из бедных сельскохозяйственных районов молоденькие смуглые красавицы искать счастья. В курортных городах женщины не работают – запрещено законом, а иначе как: спрос будет рождать предложение.

Много наших соотечественниц живет в Хургаде, селятся целыми кварталами: Мубарак-2, Мубарак-6. Открыли русскую школу. Кто-то сбежал от проблем на родине, кто-то приехал за красивой жизнью, кого-то ловят кредиторы, ко-

го-то «достали» алконавты-мужья. Открылась граница после распада СССР, замуж за иностранца, пусть и плохонького официанта-араба, выходить стало модно.

Некоторые из наших ведут себя откровенно глупо: море, солнце, all inclusive – кружат голову. Напиваются, шумят, загорают топлесс, выходят в купальниках из отеля. В социальных сетях выкладываются фото «красивой» жизни, подписчикам кажется, что муж не официант, а у него гостиничный бизнес, магазин сувениров или ресторан на набережной. Обратная сторона медали скрывается.

Яхта. Красное море. Все убежали на первую палубу за едой, занимать очередь: и мужчины, и женщины. Один лишь я остался на белом диване. Мы держали путь в направлении коралловых рифов. Каждый, кто отдыхал в Египте, наверняка плавал на яхте к коралловым рифам. Где-то в середине путешествия гид предлагает перекусить, кок на нижней палубе накладывает в тарелки еду. Так было и в этот раз. Сопровождающая команда состояла из Юли – девушка с Урала, три года в Хургаде, инструктор по подводному плаванию, Ибрагим – местный, инструктор по подводному плаванию. Далее: капитан, кок. Русскоговорящий гид – Мухаммед.

Все ушли на первую палубу за едой, где накладывали в тарелки рис, мясо, овощи, наливали в стаканы кока-колу. Отдыхающие занимали очередь, толкались у окошка раздачи, преодолевая неудобства качки и тесного пространства. И, казалось бы, уважаемые мужчины, увешанные зо-

лотом женщины, дети. Один лишь я остался на верхней палубе, сидел на кожаном диване и смотрел на белоснежные «барашки». Я был голоден, но знал, что через несколько минут подруга принесет еду, сначала мне, потом уже себе. Не потому что я заставил её, а потому что так и должно быть.

Коралловые острова, рифы, ныряешь с борта яхты в воду, температурой и вкусом напоминающую минеральную. Содержание солей одно из самых больших в мире. Уступает только Мёртвому. Следом ныряет подруга. В масках, ластах мы были похожи на людей-амфибий. «Свободный полёт», невесомость на фоне срывающегося в бездну кораллового рифа, его красочные обитатели... Я рисовал ей пальцами в пространстве воды сердечки, показывал, как бьётся моё сердце от любви, мы кружили вокруг друг друга как сказочные создания, как герои футуристического кинофильма. Большая часть группы уплыла вслед за Ибрагимом смотреть диковинный подводный мир, мы же не могли наглядеться друг на друга. Потом был и белоснежный песок острова, и фотографии, подобные тем, что люди выкладывают в социальных сетях.

Я пытался разобраться в парадоксах этой страны, в противоречивом поведении людей её населяющих. Те, кто не имеет никакого образования, дети окраин Каира, сельскохозяйственных районов страны превращаются преимущественно в деляг, спекулянтов, торговцев. Именно они обманывают, навязчивы, нередко грубы. По большому счёту им всё равно

русский ты или немец, француз или итальянец, интересуют деньги и возможность быстро на тебе заработать. Это обслуживающий персонал, который есть везде.

Египтяне, кто имеют образование, уважают русских. Мной была подмечена характерная особенность, каждый гид во время экскурсии говорил спасибо за Асуан, так прямо и говорил: «Спасибо за Асуанскую плотину!» Искренне. Это сооружение во многом решило в стране проблему с водой.

Подошёл к концу наш отдых в Египте, на комфортабельном автобусе мы ехали в направлении аэропорта, мимо военной части. И те, кто за забором из колючей проволоки, группа парней моего возраста, изображали авиацию, делая руками крылья, показывали «силу» – характерный жест двух рук. Русские надписи на автобусе выдавали нашу родину. Их президент Мубарак – лётчик, учился в Советском Союзе. Я единственный из автобуса махал им рукой сквозь окно. Гражданам нашей страны сейчас не хватает былого «кодекса офицера», четкого ориентира в шкале ценностей. Один из полисменов у огромных стеклянных дверей нашего отеля на прощание пожал мне руку, показал жест: «пять баллов», мол, правильно, не давай никому вешать себе лапшу на уши!

Глава: Айгуль

В соседнем окошке заканчивали принимать телеграммы от населения, а мы за стенкой, осторожно заперли дверь на ключ, и раздевали друг друга. Дом связи одного из отделений Свердловской железной дороги. Среди радиостанций, измерительных приборов, ноутбуков, программаторов, официальных документов мы занимались любовью. На рабочем столе.

Девятое марта, познакомились седьмого, по Интернету. Обменялись номерами мобильных телефонов и договорились встретиться. Вечером. Я купил в привокзальном ларьке розу...

Найти столик в канун женского праздника оказалось не так-то просто. Пошли по главной улице пешком. Небо загло звезды. Айгуль рассказывала о себе: учеба в техникуме, живет с мамой, любит спорт, путешествия. Она была элегантно одета: чёрная строгая юбка, высокие коричневые сапоги, коричневая кожаная куртка, берет. Позже призналась, что предпочитает рваные джинсы, кроссовки, дутые куртки...

Всё-таки нашли столик в одном небольшом ресторанчике. В соседнем зале был корпоратив, пьяные женщины пели в караоке.

Вечер в обществе красивой девушки. Можно ли рассказать все о себе за пару часов? Нет, конечно, но попробовать стоит, мы с Айгуль пробовали. Шла шестая на двоих кружка пива – хорошего красного вина в этой забегаловке не оказалось. Спеть друг другу по песне? Естественно, я выбрал «Владимирский централ» Михаила Круга, а что ещё могло бы подойти к моей брутально стриженной голове? Женщины соседнего зала аплодировали выступлению, градус вечера достиг апогея. Какую выберет Айгуль? «Новый поворот» «Машины времени». Ей хлопали также громко. И что нам делать дальше? Ночной клуб. Без вариантов. Абсент. Подождём любовь! Я поставил ботинок на ступеньки сцены. Азотный дым застилал танцпол. R'n'b бит взрывал пространство. Айгуль, закрыв глаза и подняв высоко руки, ритмично двигала бедрами. Из точки бродили по танцполу лучи лазеров – зеленый, красный, белый. Мы только что выпили по четвертой порции абсента, и зал ночного клуба стал казаться весенним сюрреалистичным наваждением. Путались в голове образы окон ночного города с огнями зажигалок, прикуривающих сигареты, огни фонарей освещения превращались в лазеры, в какие-то мощные источники света, что ослепляли. Движущиеся тела напоминали раскачивающиеся на ветру деревья, стены меняли обои, как менял город времена года. Кто-то прошел мимо со стаканом ядовито-желтого лимонада, пролил небольшую порцию мне на свитер, капли светились инопланетным светом. Я закурил, как буд-

то только это позволяло хоть на секунду остановиться и посмотреть по сторонам. Дым ароматной сигареты смешался с азотным дымом танцпола, синхронизовался, посылая дополнительный импульс мозгу. Красный уголь сигареты излучал тепло. Белая футболка Айгуль светилась фиолетовым цветом. Закрытые глаза. Движения в ритм танцпола. Облегающие бедра синие джинсы. Высокие сапоги с острыми, как иглы шпильками, что врезались в живой ворс бетонного пола. Я пробирался к барной стойке сквозь тела. Мгновение, и бармен наливает ярко-зеленую жидкость в бокалы. Абсент. Новая порция. Пластиковая трубочка, чтобы курить пары. Салфетка. Айгуль держит меня за плечи. Бармен поджигает любовь. Пламя поглощает азотный дым танцпола, окрашивает наши желудки в ярко-зеленые цвета. Скопление вещей без названия, фосфорический блеск стрелок наручных часов – минус три часа ночи.

Ночь была рядом с нами, сопровождала как вторая и не менее красивая подруга. Тоже брюнетка с длинными, до поясницы волосами. Она касалась глади стекол, ждала по другую сторону ночного клуба. Моросил холодный весенний дождь, в замерзших лужах отражался свет луны. Медленное движение глаз ловило такси.

Гостиница. Стоим у окна регистрации. Иногда, кажется, что я знаю все гостиницы в России. Есть в них и дорогих, и дешевых что-то общее, присущее только нашей стране: «отпечаток» человека, затерявшегося в бескрайних простран-

ствах и вдруг неожиданно нашедшего укрытие хоть на один короткий день, и в то же время, беспомощного перед будущим, чем-то большим и непознанным. Отдал женщине в окошко паспорт, затем деньги за двухместный номер.

Три часа ночи. Душ. Подруга разделась. В комнате, где была занята всего одна кровать, при выключенном свете и задернутых от всего мира шторах происходила любовь. Большие черные глаза, длинные черные волосы, на золотой цепочке золотой полумесяц, острые брови, небрежно-длинные ресницы, правильный овал лица, мягкие губы. Карий цвет глаз. Стройное тело. Красивые коленки. Дорожка волос внизу живота.

Алкоголь, который был в крови, выветривался. Полчаса до рассвета. Лежали обнявшись. Айгуль рассказывала содержание какого-то фильма, что недавно смотрела, я – между сном и явью то засыпал, то просыпался, и это и было именно счастьем. Сознание мгновенности этого счастья врезалось в память. С7астья или с8частья – столько дней мы провели вместе.

Следующий день – в номере гостиницы, спали, рассказывали друг другу истории из жизни, смотрели в окно на серый неприветливый март, к обеду спустились на первый этаж в ресторан. Мы не знали, в общем-то, чем заняться в этом маленьком городе в выходной день, а по телевизору как раз шёл сериал по ее любимой книге – «Мастер и Маргарита». Курили в приоткрытое окно, рассматривали и обсуждали прохо-

жих, наслаждаясь тем, что сегодня не надо никуда идти, не надо ничего никому доказывать, не надо тратить себя на что-то постороннее. Общий гостиничный номер. Только для нас. Солнце пробивалось сквозь облака над Ишимом, я чувствовал, как делает поворот рядом с городом река.

Позже, в будни, на работе, когда Айгуль приходила в гости, я решал для нее домашние задания. Примеры из алгебры, аналитической геометрии, вспоминал одиннадцатый класс школьной программы. Отодвигал в сторону свои дела (бумаги, радиостанции, аппаратуру), находил для нее время между посетителями.

Мы выходили курить на крыльцо. Март был очень холодный, минус двадцать, плюс ветер. Свитера нас почти не согревали. Решение задач плавно перетекало в вечер, и мы оставались вдвоём. Ее карие глаза, ослепительная улыбка, как живое воплощение любви...

Коллеги спрашивали: «Ну, что там с твоей подружкой? Как она? Рассказывай!» А что рассказывать? Схема одна и та же. Сайт знакомств. Отсылаешь сообщения. Закон больших чисел – хотя бы одна отвечает. Номера мобильных телефонов, «смс», приглашаешь в кафе, погулять по городу. Покупаешь в привокзальном ларьке ярко-красную розу. Пьёшь с ней вино, болтаешь о пустяках, рассказываешь о себе, потом ночная дискотека, абсент, такси, гостиничный номер... Но в этот раз все было немного по-другому. Мы вообще не хотели расставаться, отходить друг от друга больше чем на пару

метров. Вечером на такси я привозил ее домой. Утром она шла на учебу, и мы встречались в столовой техникума, обедали и уже вместе шли ко мне на работу.

Восемь дней ограниченных командировкой. Ночь. В две противоположные стороны уходили рельсы, мы на металлическом мосту через железнодорожные пути, где-то между востоком и западом. Сами восток и запад. Километровые составы с углём, цистерны, рефрижераторы. Курили по третьей сигарете. Луна освещала гораздо больше, чем окружающее пространство, свет затекал внутрь границ наших тел. Антропоморфное изображение ночи на наручных часах. Сияние звезд, обрывки облаков, блеск снега. Ветер проникал под куртки. Гудки тепловозов. Прожектор над контактными проводами кидал луч в пустоту. Трубы теплотрасс блестели отраженным светом. Ступени пешеходного мостика были ступенями в завтрашний день – холодные, и по ним совершенно не хотелось идти. Мы понимали, что нашу привязанность друг к другу вряд ли удастся продлить надолго.

Снимок цифрового фотоаппарата остановил время, запечатлев нас обнявшихся на фоне вагона с надписью Новосибирск – Новый Уренгой. Мы в зимних куртках, без головных уборов, смеёмся. Айгуль наклонила голову к моему плечу. Через десять минут отправление. Прощальные слова, последний поцелуй, мгновение – и ничего нет.

Часть II: ЛЕТО

Глава: Бесконечное лето

Середина девяностых. Лето. Жара. Июльское солнце без остановки грело асфальт. Родители старались отправить своих чад в пионерлагеря, но нам не досталось путевок. И мы играли в карты на интерес. Чем еще заниматься в летние каникулы? «Бура», «Свара». Собирались на верандах детского садика, в больших металлических песочницах. Кто-то курил, кто-то разговаривал, кто-то устраивал карточные дуэли. Интерес? Все, так или иначе, пересчитывалось на деньги, но ставками чаще всего были сигареты, спички, аудиокассеты. Начиналась раздача, допустим, с одной сигареты, а в процессе банк рос до двухсот-трехсот. Играли в «Буру», а когда ставки взлетали до небес, и ждать окончания кона становилось невыносимо, переходили на «Свару», чем-то напоминающую покер. Было одно правило, подогревающее пламя азарта – побежденный мог требовать отыграться, пока у него имелись средства. С большим выигрышем домой не отпускали. Давать в долг разрешалось. Если кто-то не отдавал деньги вовремя, как договорились, то на следующий день сумма удваивалась и, соответственно, был смысл потеряться на какое-то время – звонили на домашний телефон, убеждались, что ты дома и заносили деньги... В советских лагерях были точно такие же понятия, те же карточные игры. Мы копи-

ровали блатных, их выражения, законы, слова. Как обычно, правила исходили от старших во дворе и распространялись между всеми. Естественно, большим авторитетом пользовались именно те, кто имел какое-либо отношение к «зоне»: «условка», брат сидит, кореш сидел....

Сражение длилось уже несколько дней, мы встречались утром на веранде с Михой Малым и целый день посвящали картам. Оппонент имел «условку», брат сидел, играли его колодой. К концу второго дня я был должен более трех тысяч сигарет. Поддержать Малого, чуя запах добычи, приходили старшие пацаны, его кореша. Отыгаться при таком моральном прессинге было практически невозможно. Передо мной стоял выбор: либо увеличивать долг, либо заканчивать игру. Но сдаваться не позволял характер, и мы сидели на веранде до ночи. Малой понимал, что «сломать» меня будет тяжело, и предложил перевести поединок в другую плоскость. Условия были таковы: побеждаю его в силовом единоборстве один на один – списывает долг, нет – придется отдавать «живыми» деньгами, которые особенно ценились. Но сумму приемлемую. Переиграть Малого его наверняка капле-ной колодой – это вряд ли. Можно было, конечно, сражаться на картах месяц, задолжать «миллион» сигарет, рассказать родителям, чтобы те решили вопрос. Но после со мной во дворе вряд ли стали разговаривать, называли бы «лохом», «чмырем», «терпилой». В нашей азиатской стране, как и в других странах Востока, потерять «лицо» хуже, чем смерть,

это я отчетливо понимал, поэтому и согласился на предложенные условия.

Мы встретились на следующее утро и, как предварительно договорились, пошли за детский садик на лужайку с мягкой зеленой травой. Малой был килограмм на пятнадцать больше по весу и выше на пол головы. После размена несколькими ударами, он, с разбегу, опрокинул меня на землю, сев сверху, стал молотить кулаками по лицу. Я, конечно, уворачивался, как мог, но пропустил один в самую переносицу – искры посыпались из глаз... Карточный долг – это святое, придется отдавать «живыми» деньгами.

И я погрузился в размышления, где бы раздобыть наличность. У родителей денег все равно не было, лишь «поделки», полученные по бартеру. Зарплату на заводах выдавали кому чем: водкой, лодочными моторами, клеем для обоев... Обычное дело в таких случаях ввязаться в криминал – Малой намекал, что можно было бы «выставить» продовольственный ларек в нашем районе. Но я понимал, что это бесперспективное занятие – вряд ли выручку оставляли в кассе, если каждый вечер за продавщицей заезжала иномарка. В полнейшей растерянности мы с Димоном, который искренне мне сочувствовал, без дела слонялись по городу, а вечерами забывались за игрой в приставку «Денди».

Если долго ходить по улицам, что сродни путешествию по знакомым каменным джунглям, то обязательно найдешь способ «поднять денег». В один из дней мы гуляли недале-

ко от городского парка, и нас окрикнул мужик на иномарке: «Эй, парни, не хотите заработать?» Подошли. И он объяснил расклад. Есть газета, новая, с рекламой, телепрограммой, полезными советами, краеведческим материалом, разделом про домашних животных и кроссвордом. «Союзпечать» требует больших денег за распространение, маркетинг (я тогда не знал, что это означает), доставку и отгрузку нераспроданного тиража. Поэтому существует тема нанять распространителей и на главной улице города, около проходных завода, возле ларьков раздавать газету прямо в руки за цену ниже обыкновенной. Прибыль пополам. Понятное дело, основной доход предполагался с рекламы, но об этом мы тогда тоже не догадывались. Так я первый раз в жизни погрузился в мир печатной продукции.

Ничего сложного – стоишь с пачкой наперевес в одной руке и одним экземпляром в другой на пути у заводчанина и сообщаем: «Газета с телепрограммой на следующую неделю! Бесплатные рекламные объявления! Кроссворд! Полезные советы! Цена ниже, чем в «Союзпечати!»» Данная речь была моим личным креативом, потому как без нее нас не воспринимали всерьез. И газеты разлетались, как горячие пирожки, особенно пенсионерам. Мы работали без выходных по субботам и воскресеньям, без какого-либо маркетинга вычислив самое «ударное» время, людные места и целевую аудиторию. Бизнесмен на иномарке был в восторге – мы вдвоем заменили ему сеть газетных ларьков города, и его

молодой, рискованный бизнес состоялся и, более того, пошел в гору. Он выписывал нам премии после реализации, разрешал варьировать цену в зависимости от дня недели, делать скидки пенсионерам, если брали сразу несколько газет. Конечно, я интересовался у своего работодателя, кто пишет ему материал в номер, как проходит процесс верстки, но он отмахивался от вопросов. Большая Советская Энциклопедия, которая пылилась дома, пролила некоторый свет на процессы, происходящие в газетной индустрии. За месяц Димон заработал на новый кассетный плеер и гору картриджей для приставки, я – отдал Малому долг, скопил на кроссовки и джинсовый костюм к новому учебному году.

Глава: Пиво «Тус»

Желтая, выцветшая на спине футболка «World Cup Championship» прилипла к телу. Уже две недели как стояла аномальная жара. Тридцать пять градусов в тени. Конец июня тысяча девятьсот девяносто восьмого. Шел чемпионат мира по футболу. Но вместо того, чтобы смотреть прямые трансляции из Франции, я складывал пустые стеклянные бутылки в холщевые и полихлорвиниловые мешки, которые потом грузил в «Газель». Съемный гараж пять на восемь метров был забит до отказа тарой и вот, в самый неподходящий момент отца попросили оттуда съехать, срок поставили две недели. На оптовых складах почему-то перестали покупать «посуду», и та копилась с мелких приемных пунктов примерно полтора месяца. Двух недель было более чем достаточно, но в процессе переезда оказалось, что вывезти сорок квадратных метров задача не простая. Нашли еще один гараж через четыре блока, вроде бы и недалеко... Самыми тяжелыми были мешки с бутылками из-под шампанского, потому как там самое толстое стекло. Мешки с «чебурашками» и «водкой» имели средний нормальный вес, к которому я давно привык. Пока мои одноклассники расслаблялись на пляже у озера, я вставал в шесть утра, до жары, одевал холщевые, местами уже протертые перчатки, и садился на пас-

сажирское сидение в «Газель». Работа казалась простой, но по мере медленного убывания стеклотары и быстрого возрастания градусов окружающей среды, мой внутренний голос подсказывал, что это «пиздец».

Четыре дня из этих двух недель выпадали, потому как по четвергам и воскресеньям, то есть в рыночные дни, я торговал на рынке. По средам были поездки за товаром в областной центр на оптовые склады или в район вокзала. В обычный день поездка на электричке напрягла бы меня, но стеклотара была настолько невыносима, что душный вагон и полтора часа путешествия казались «мини-отпуском». Загружая очередной полихлорвиниловый мешок бутылками, вспоминал, как весной мы воровали ящики из-под пива, которые стоили приличных денег. По всему городу были раскинуты стихийные точки по приему стеклянных бутылок. Пластиковые ящики (тара) были в цене. Воровали их ночью, перелезая через высокий забор одного частного дома. Далее транспортировали до сарайки, где и прятали под замок. Днем в школе размышляли, куда бы их выгоднее сбыть. В нашем уездном городке все друг друга знали, и за кражу можно было огрести не хилой «пизды». Правового поля для решения таких вопросов не существовало, страна жила «по понятиям». Был один беспроектный вариант – областной центр. Там, в ларьках у железнодорожного вокзала можно было купить или продать все, что угодно. Переправляли пивную тару на электричках. После уроков, благо расписание транспорта

подходило. В руках не унести больше четырех ящиков, а накопилось таких около пятидесяти штук. Либо десять ходок для одного, либо одна ходка для десятерых. Рискованно – постоянный путь паренька с пивными ящиками выглядел бы по меньшей мере подозрительно – слишком много свидетелей, манипуляции с сарайкой, которая находилась в подвале дома бабушки. Поэтому, взвесив все за и против, решено было устроить ящичковый флэш-моб, хотя и не было в нашем лексиконе этого модного слова. Несколько человек со двора, трое – из класса, девчонки – две штуки (без них флэш-моб выглядел бы неправдоподобным), а так, по легенде, мы везли ящики в областной центр на постановку в Театр Юного Зрителя, где наша команда решила участвовать в конкурсе...

Уездный город летом утопал в зелени, разбитые почти у каждого дома палисадники с шиповником, вишнями, черноплодной рябиной наполняли утренний воздух приятным сладковатым запахом цветов, свежестью. Приятно было летним днем встать пораньше, в пять тридцать, позавтракать бутербродами и кофе, взять большую дорожную сумку на колесиках и отправиться на железнодорожную платформу. На одной из небольших улочек, вдоль деревянных двухэтажных домов были высажены лиственницы, мне нравилось идти именно по этой аллее. Автомобилей не было, пару человек шли к проходной радиоэлектронного завода.

Утром на платформе пригородных поездов порывы ветра приносили прохладу из соснового бора, солнце еще не па-

лило, и, приходящие за двадцать минут люди равномерно, никому не мешая, вставали, от места остановки первого вагона до остановки последнего. Встречались знакомые, и тогда завязывался ни к чему не обязывающий разговор. Некоторые виделись только в электричках, вагоны были тем местом, где делились новостями, слухами, рассказывали о жизненных перипетиях, обсуждали насущные вопросы. Своеобразный прототип «городского форума», формата, который через семь-восемь лет захлестнет Интернет.

Лето, и непременно чувствовался запах сигареты, диспетчер в громкоговорящую связь объявлял к какой из платформ подойдет электричка до Нижнего Новгорода. Хотя это и так каждый знал. В небольших уездных городках редко что-либо менялось со временем. Металлические перила, от которых почему-то всегда било током, отбрасывали тень, частный сектор блестел оцинкованными крышами, обещаая жаркий день, сумка на колесиках катилась, я шел к месту остановки второго вагона. Это имело практический смысл. Контроль билетов. Второй вагон проверялся уже ближе к областному центру, и, если высадят, то всегда можно было добраться до пункта назначения на городском автобусе. Кто-то, конечно, покупал билет в кассе, кто-то надеялся выйти до того, как настигнут контролеры, но основная масса людей готовилась «перебегать». Сборщики денег входили в вагон и громко объявляли: «Готовим билеты и проездные документы!» Народ вставал с насиженных мест, устремляясь в там-

бур. На ближайшей остановке толпа вываливала на платформу и бежала в противоположную сторону три-четыре вагона. Женщины-контролеры, естественно, обратно не возвращались, потому как проверять у всех повторно билеты можно было до бесконечности. Не «перебежали» женщины с маленькими детьми, пенсионеры, прочие личности с велосипедами или тележками, продавцы газет и мороженого, новопеченные «барды» и сотрудники транспортной торговли (по факту, продавцы ерунды от овощерезок до лейкопластырей). Когда моя сумка была пуста, я, как все, экономил. Когда ехал с товаром – наслаждался летними видами из окна и стремительно бегущей толпой. Тревога в лицах, автоматические двери могли захлопнуться перед самым носом.

Электричка была наполнена людьми и утром, когда большинство ехало на работу, и вечером, когда все возвращались домой, и днем, когда, казалось бы, расписание не располагало к удобству. Несли свою вахту продавцы газет, мороженого, исполнители песен, чаще всего на военную тематику (лучше подают) или «барды» толкали в свет свое собственное творчество.

Мне нужна была предпоследняя остановка, которая как раз доставляла к продуктовым складам. Промзона. Сортировочная станция, шоссе, чуть далее – продуктовые склады, где товар можно было приобрести мелким оптом. Я знал фирмы, прайс-листы, поэтому не тратил много времени на поиски, быстро забивал сумку маленькими фасованными па-

кетиками: перец душистый горошком, перец черный горошком, черный молотый, красный молотый, лавровый лист, гвоздика, кориандр, мускатный орех и другие. Маленькие фасованные пакетики удобно было размещать на небольшом прилавке. Домохозяйки были рады, что в одном месте можно было купить все необходимое для закрутки урожая в стеклянные банки.

Я начинал с торговли спичками, и уже через месяц ассортимент вырос до тридцати – сорока наименований. Ощутил как тяжело зарабатывать первоначальный капитал. В тысяча девятьсот девяносто восьмом году не было кредитов, бизнес-планов, доступного Интернета, сотовых телефонов, без чего не мыслим сейчас ни один стартап, приходилось вставать в пять утра и подрабатывать грузчиком на рынке, если повезет, то продавцом по найму. Присматривался к ассортименту, думал, какую нишу можно занять. Спички. Нужны всем. Захватил со склада, на пробу, пока ездил грузчиком, после работы продал за час. Вырученные деньги пустил в оборот, добавил зарплату, во второй раз взял три большие коробки. Пришло время расширять ассортимент, потому как продавать по пять-семь коробок не получится. Понял, что товар должен был быть сезонным, потому как первого сентября все равно надо было идти в школу. Добавил пластиковые пакеты, такие, что с красочными рисунками, они тоже быстро расходились и были компактными для перевозки со склада. Заметил, что на рынке не торговали удобной «ме-

лочью»: тетрадками, блокнотами, шариковыми ручками, супер-клеем, скотчем, губками для обуви и другой китайской «лабудой».

Самое удобное место, где можно было затариться «лабудой» – ларьки в районе вокзала. От промзоны полчаса на автобусе или одна остановка на электричке.

Сумка на колесиках была наполовину заполнена товаром (специями), и я снова стоял на железнодорожной платформе. Сортировочная станция, середина буднего дня, с горки спускали вагоны, которые разъезжались по разным путям. В ярких оранжевых жилетах ходили составители поездов, диспетчер что-то объясняла по громкой связи. Вспомнилась заметка в городской газете, как одной служащей отрезало вагоном ноги, когда та перелезала под составом, чтобы сократить себе путь до конторы.

На вокзале было жарко, хотелось сразу нырнуть в прохладный переход, который поворачивал в самую гущу ларьков. Район представлял преимущественно частный сектор, много домов переделали под мини-магазины: «Одежда для всех», «1001 мелочь», «Цветы». Товар прибывал, естественно, с более крупных рынков Москвы. Из «Черкизона» в «Черкизон» поменьше. Выходцы с Кавказа активно скупали недвижимость у спившихся, ремонтировали, приспособивали под мелкий бизнес. Близость Центрального рынка, Универмага, Автовокзала, МакДоналдса. Людские потоки сходились на площади, творя революцию потребления. По

мере приближения к реке магазинов становилось меньше, чувствовался дух старой купеческой слободы. В полуразрушенных строениях можно было угадать очертания складов начала девятнадцатого века. Высокие четырехугольные крыши бывших контор, покосившиеся металлическойковки ворота напоминали о зажиточности хозяев. Короткие и широкие улочки были приспособлены для быстрой доставки товара с реки.

Ближе к вокзалу стояли железные ларьки: продукты питания, одежда, ювелирные изделия, обувь, нижнее белье, сигареты, канцтовары, бытовая химия, мигающая на все лады электроника, видеокассеты, чебуреки, спиртное. Желтые, синие, серые с зарешеченными витринами и маленьким окошком посередине. Горы мусора, пустых коробок, целлофановых пакетов. Ларьки работали круглосуточно и зимой, и летом, потому как продавцы предпочитали жить прямо в них.

Я добирал товар и снова шел на вокзал. Снующие люди, пыльные ряды, душный день – мало удовольствия. И целью моего движения была приятная прохлада вокзала, второй этаж зала ожидания, где располагалось небольшое кафе с отличным разливным пивом: «Букет Чувашии», «Тус». Можно сказать только ради этого я и ездил за товаром. «Вкус и аромат сброженного солодового напитка с мягкой хмелевой горечью, нежным фруктовым и хмелевым ароматом и легким дрожжевым оттенком. Сварено по классической технологии

из отборной пшеницы, светлого ячменного солода и лучших сортов хмеля», – информировала надпись на фирменном буклете. Я заранее покупал билет на электричку, чтобы полтора часа наслаждаться хмелевым ароматом и легким дрожжевым оттенком. После первой кружки сразу заказывал вторую, садился за круглый столик. Краем глаза, со второго этажа, поглядывал на вокзальных бомжей, таксистов, стойку игровых автоматов. Посетителей в кафе было немного, свободных мест предостаточно, это ближе к вечеру, когда поедут с работы люди, появится очередь, дополнительные стулья, суета. Днем же все было по «фен-шуй». Иногда брал сухарики или соленый арахис, чтобы сидеть было не так скучно, покупал в киоске прессу, чтобы быть в курсе проходящего во Франции чемпионата мира по футболу. Иногда покупал красочный журнал с автомобилями. Мечтал, как все, о японских «тачках».

Развлечений летом в маленьком уездном городе не было, и неожиданно отец моего приятеля собрал и установил двигатель в свою «ласточку» – Газ-21. Мы лежали с Серегой под двадцать первой Волгой и пытались приладить глушитель к выхлопной системе. Товарищ выкрал ключи от гаража, пока его родители были на работе. Ездить без глушителя – мове-тон.

И вот я лежал под автомобилем и наматывал асбестовую нитку на выхлопную трубу, мерзли руки, пачкались рукава куртки о грязное днище автомобиля, да и вообще, почему-то

ничего не получалось. Серега раскручивал гайки хомутов. Труба была сконструирована впритык, и неудобное лежачее положение не позволяло нормально ее приладить. Помню, что я даже подумал бросить это занятие и просто покататься еще немного вокруг гаражей, но Серега не сдавался, собираясь вечером совершить авто прогулку по городу и району. Деньги на пол бака бензина имелись, отсутствовали только права и документы на транспортное средство. Но жажда скорости заставила нас приложить усилия и устранить неполадки в выхлопной системе. Серега с улыбкой и грязными руками пробрался на передний диван авто и повернул ключ зажигания. Мотор заработал бесшумно, ровно, как и должно было быть.

Я не умел ездить на автомобилях с рычагом переключения передач на руле – не понятно где первая, задняя и все остальные, выжимал сцепление, а товарищ втыкал нужную, в зависимости от набранной скорости: «Серега – третью, Серега – четвертую, Серега – нейтраль, Серега – первую». Автомобиль несся по дороге, ведущей из города. Мы ехали, в общем-то, в никуда.

Не было никакого определенного маршрута. Лишь бы гнать на предельной скорости, сотку (магическая цифра), а то и больше, лишь бы не останавливаться. Я приоткрыл боковое окно, выставил локоть и поигрывал спичкой в зубах, ветер трепал волосы, ровный асфальт дороги был пуст, бежевый ретро-автомобиль – все как в американских фильмах.

Щемило сердце от нечаянной свободы, казалось, что как раз и едем к той самой американской мечте (хотя мы и не знали какая она), и не надо будет в сентябре идти в школу, делать домашние задания, слушать учителей и перед кем-либо отчитываться. Скорость символизировала свободу. Морально мы были готовы к встрече с ГАИ, родителями, директором школы и самим сатаной, и это не особенно волновало. Ничтожным представлялось все, кроме «драйва». Мечта была осязаема – мы покорили автомобиль, осталось только заработать денег и купить свою «Тойоту». Впереди показалась заправка, и я включил правый поворотник... Объявили мою электричку.

К одиннадцати часам в тенте «Газели» становилось невыносимо душно. Желтая, выцветшая на спине футболка «World Cup Championship» прилипала к телу. Полуденное солнце играло на стеклянных боках бывших в употреблении бутылок, раскидывая солнечные зайчики по гаражу. Пот, стекающий по лицу, мешал работать, его то и дело приходилось вытирать пропахшими пивом перчатками. Чтобы хоть как-то отвлечься, я думал о Чемпионате Мира по футболу, о блестящей игре Рональдо, о сборной Франции, где, как оказалось, чернокожих игроков было больше половины, о нашей команде, которая, как всегда, не попала на главный турнир лета. Вечером по телевизору собирались транслировать четвертьфинал: Нидерланды – Аргентина, игра обещала быть напряженной – Патрик Клуйверт против Габриэля

Батистуты.

К восемнадцати часам работа по переезду из гаража в гараж завершилась, надо было ехать на основную – объезжать районы уездного городка и сворачивать точки по сбору бутылок, снова грузить стеклотару в полихлорвиниловые мешки и пластиковые ящики. Летом сдавали в основном «чебурашки» из-под пива, водочные, чекушки, шампанское шли по весне, зимой. Точки по сбору стеклотары располагались в людных местах, чтобы прохожие видели и знали, как можно немного сэкономить. Периодически приемщицы перемещались из района в район, чтобы охватить как можно больше жилых домов. Со сбором точек мы управлялись за час-полтора. Снова везли бутылки в гараж, разгружали, сортировали мешки, заталкивали пластиковые ящики и банановые коробки, которые тоже удачно подходили для хранения и перевозки стеклотары. Новый гараж был заметно меньше предыдущего и, чтобы отвоевать место для свежеприбывшей партии, приходилось все время что-то передвигать, утрамбовывать, перекладывать, это напоминало сбор пазлов. Периодически коробки падали, мешки скатывались, а пластиковые ящики раскалывались под тяжестью наваленного, неровный грунтовый пол нервировал, а крыша, через которую проникало много солнечного света, предвещала сырость, горы мокрого картона, лужи в случае дождя. Но, к счастью, стояла жаркая сухая погода.

Затем мы ехали домой, на ужин. И после приема пищи

шевелиться вообще не хотелось. Я ложился на диван у вентилятора и вяло переключал каналы телевизора. Ничего интересного, игры чемпионата шли вечером, около десяти часов. День кончался, и ничего с этим поделать было нельзя.

За пол лета так ни разу и не искупался на озере, в то время как одноклассники проводили там каждый день, играя в волейбол, карты или просто загорая на песке. В какой-то момент дошла мысль, что при существующем режиме работы, схожу на озеро только осенью. Именно так и случилось, купальный сезон открыл в конце сентября. Гулял с собакой после школы, вдоль железнодорожных путей, через сосновый бор. Озеро. Скидывал куртку, джинсы и лез в воду. Собака отчаянно лаяла, но в итоге тоже плыла рядом. На берегу никого не было, камыш, как в книжке с японскими стихами, немного ветра, электричка, проносящаяся по насыпи.

Глава: Оккультный офис

Я сидел на работе за ноутбуком и готовил сводный отчёт о командировке. Количество отремонтированных радиостанций, спектрограммы, данные об измерениях параметров. С начальницей сервисного центра Натальей мы были в крупной ссоре, хотя редко с ней пересекались, находясь в разных регионах. Командировки, график очень плотный. По приезду в офис всегда было много бумажной работы – авансовый отчёт для бухгалтерии, сводные таблицы, протоколы в радиочастотный центр. Пообедать некогда, не то что разводить конфликты. Но в один из дней мой коллега Игорь ушёл в отпуск по случаю рождения второго ребёнка, и мне пришлось ехать в Сургут на местное отделение фирмы с Натальей. Спутнице было за сорок, жила до девяностых в Казахстане, потом переехала в Центральную Россию. Она имела двух дочерей, одна из которых жила в Индии, вторая училась в школе милиции. Рабочие отношения, ничего особенного, ежедневные проблемы – жильё, питание, распорядок дня, приоритетные задачи. Когда ты только приехал на место, когда в деле, то не время ругаться, доказывать что-либо друг другу, с удвоенной энергией погружаешься в работу.

Сургут. Река Обь, холодная даже летом. В первый же выходной я отправился погулять по городу, погода стояла сол-

нечная. Мне как раз исполнилось двадцать пять. Наталья осталась в номере гостиницы, отдыхала у телевизора. Я же – искал новых впечатлений, да и не хотелось сидеть на одном месте в свой день рождения. Поехал в центр и попал на праздник к хантам (народность Западной Сибири). На территории краеведческого музея стояли чумы, женщины в национальных одеждах за деревянными лавками продавали сладобья, ягоды, сувениры. Вели хороводы дети. Мужчины собрались около водоёма на состязание – в узкой одноместной пироге необходимо было преодолеть расстояние. Все просто: кто первый придёт, тот и победитель. Пятьдесят метров туда, и пятьдесят метров обратно. На воде дежурил катер с аквалангистами – ханты не умеют плавать.

Я подошёл к одному из столов и удивился кукле «Барби», переодетой в национальные одежды хантов. Девушка, двадцати пяти лет в цветном сарафане, низкого роста, полукровка, тёмные волосы, тёмные глаза, протянула мне пластиковый стаканчик с тёплой ароматной жидкостью – лесные травы. Было в моих движениях, жестах, что-то из современного мира с ворохом нерешённых проблем, противоречиями, негармоничным содержанием, бесконечным стрессом, я выпил приятное сладобье и расслабился.

Все ушли на состязание, мы были одни. Я посмотрел куда-то в сторону и спросил: «Как тебя зовут?» «Нэ», – ответила она, как будто ожидая моего вопроса. Это только потом я узнал, что Нэ на их языке и означает «девушка». «Хо-

чешь, покажу чум?» – спросила Нэ. «Покажи», – ответил я. На ровной площадке, недалеко от столов стояли чумы. Два закрытых и один открытый. Мы пошли к закрытому. Проникли внутрь, она завязала на кожаную верёвочку вход. Там было темно, и мои глаза не сразу привыкли. Прошло около минуты, сквозь возвращающееся зрение я разглядел, что Нэ, уже обнажённая, расстилала в дальнем углу одеяло. Я слегка растерялся – кругом непривычные вещи, совершенно несвойственные двадцать первому веку, шкуры, узлы с каким-то «барахлом», голова медведицы, в центре – очаг.

– Иди ко мне, – сказала Нэ.

Я перешагнул центр жилища, чуть пригнувшись, чтобы не задеть висящие справа шкуры. Было примерно понятно, чего она от меня хотела:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.